

ДЕТСКИЙ САД

Днем мы с дедом пели на два голоса, а по ночам мне снились поющие сны

ные карточки и низкое пасмурное небо. Самыми радостными днями становились те, когда выдавали паек: у нас собирались соседи, и устраивался пир на весь мир. Обычно в конце пиршества я, забравшись на табурет, читал стихи и, к общему удовольствию слушателей, заканчивал свою «программу» Гимном Советского Союза.

Через некоторое время с Украины приехал дед по отцовской линии. В свое время он служил главным бухгалтером на сахарном заводе в селе Любимовка Курской области, принадлежавшем одному из российских издателей — графу Сабашникову. Когда я, уже будучи взрослым, впервые попал в Любимовку на этот сахарный завод, то, к своему удивлению, увидел музей, сохранившийся с самого начала его постройки. Среди лиц заводской управы я разглядел портрет своего деда, Андрея Васильевича, датированный 1903 годом. Что меня больше всего потрясло, так это то, какой культурой обладали эти люди — жители глухого поселка в 40 км от Курска в девятисотых годах. На заводе у них был струнный квартет, и мой дед-бухгалтер играл в нем на скрипке. Его отец, мой прадедущка, был простым мастеровым, а прабабушка держала маленькую пекарню. Дед оставил после себя скрипку, внутри которой стояли замысловатые инициалы итальянского мастера и год — 1617-й.

В привезенном дедом сундуке было множество всяких сокровищ, которые намертво приковывали мое внимание. Рубанки и стамески, топоры и молотки, сверла и буровики, гвозди железные и деревянные — дед Андрей прекрасного столярничал, знал портняжное

Первые пять школьных лет дергать за косички было некого (пионер Лева указан стрелочкой)

— учиться вместе с девочками мы стали пять лет спустя. Первый год пролетел почти незаметно, а второй ознаменовался появлением двух новых учителей — пения и физкультуры. Оба урока проходили в спортивном зале, сооруженном из двух классов. Наверное, все это не осталось бы в памяти, если бы моя дальнейшая жизнь не оказалась связанной с пением и спортом.

Я начал ходить в хор Сокольнического дома пионеров и в секцию плавания. Поначалу были еще и кружок художественного слова и духовой оркестр. Но однажды всей этой всеядности положил конец наш хормейстер. Поймав меня на лестнице дома пионеров, он категорически заявил, что пора заняться пением всерьез. И хотя большого значения его пожеланию я не придал, но кружки бросил...

В начале 1953 года мы переехали в «новую жизнь». В сравнении с на-

меня на стадион. Там в баскетбольной секции я получил новенькие кеды, роскошные голубые трусы и две майки для будущих выступлений на соревнованиях.

Такая безмятежная жизнь продолжалась до десятого класса. Тут-то я и встревожился — надо было определяться с будущим. Несмотря на спортивные увлечения, я все еще грезил пением. Как назло, именно тогда у меня пропал голос. Неподдалеку от нашего дома был один институт, я даже точно не помню какой. Располагался он настолько удобно, что я долго раздумывать не стал, решив, что туда и буду поступать.

Но однажды после уроков, когда в классе уже никого не было, попробовал запеть: «Я тот, которому внимала...» («Демон»). Голос был неуклюж, но я повторил фразу повыше. Он послушался, я повторил еще раз... Не знаю почему, но заниматься этим дома я стеснял-

ЛЕВ ЛЕЩЕНКО: Я ВСКИНУЛ РУКИ ВВЕРХ И ЗАЯВИЛ, ЧТО НЕ УМЕЮ ПЕТЬ

Лещенко начинал с героев музыкальных комедий. Первой его ролью было вынести на сцену поднос и сказать: «Пустите погреться!»

Отец мой приехал в Москву где-то в 1929 году. За плечами у него была учеба в гимназии и просветительское «хождение в народ», так же как у его сестры. Папа и особенно тетя принадлежали к настоящим подвижникам — после революции ходили по деревням и учили людей грамоте.

В Москве же отец устроился работать на завод. Там встретил мою маму, приехавшую из Рязани и служившую на этом заводе бухгалтером. В 39-м году появилась на свет моя старшая сестра, а 1 февраля 1942-го — я. Тогда под Москвой шли ожесточенные бои. Отец к этому времени был уже в чине капитана, служил в спецчастях, ездил на фронт.

Мы жили в Сокольниках в деревянном двухэтажном доме, спрятанном среди раскидистых тенистых лип. До сих пор я сохранил трепетное отношение к этому району: в детстве исходил там все вдоль и поперек, знал все улочки и переулочки. К сожалению, дома нашего уже нет. От того первого острова моего детства осталась большая липа, к которой когда-то были привешены дворовые качели.

Мне не было и двух лет, когда умерла мама. Моим воспитанием занялся адъютант отца старшина Андрей Десятов. Начиная с трех лет я уже имел солдатскую форму, ходил в отцовский полк, где мне отдавали честь, садился за солдатский стол, ел вместе с друзьями-солдатами и сопровождал их повсюду — от стрельбища до кино. Не могу сказать, что я был сыном полка, но каждый день ходил в полк, как на работу. Так продолжалось, пока из Рязани не прибыла «мамина» бабушка, и забота обо мне перешла к ней. В памяти остались походы на дальние подмосковные поля, выкапывание из земли картошки, морковки и свеклы, хлеб-

и сапожное дело, много читал. Но среди всего этого богатства скрипка все-таки была на первом месте. Поначалу дед и меня начал учить игре на скрипке. Но для этих уроков я был еще слишком мал. Тогда он принялся учить меня пению. Четырехлетний, я распевал с ним на два голоса и, если получалось чисто, дед приходил в шумный восторг. В то время мне снились поющие сны.

В сентябре 1949 года в вельветовом костюмчике, сандалиях на босу ногу, с настоящим парусиновым портфелем — по тем временам почти шикарная экипировка — я торжественно переступил порог школы. В классе были только маль-

В секции по баскетболу меня любили: в чем-чем, а в росте всегда обгонял товарищей

шей деревянной двухэтажной многоэтажный гигант с лифтом казался чуть ли не дворцом. В большой двухкомнатной квартире были ванная, телефон и долгожданный плод прогресса — телевизор. В новом доме жили известные в те годы спортсмены и тренеры. И мой новый приятель, настояя на том, что нужно поддержать спортивные традиции по месту жительства, сманил

ся. А в школе дожидался, когда все уйдут, и репетировал. Только как-то раз эти занятия подслушала девочка и разнесла «новость» по всей школе. Меня тут же зачислили в участника художественной самодеятельности.

Для своего первого концерта я выбрал песню «У Черного моря», которая в то время была популярна в исполнении Леонида Утесова, да и мне очень нравилась. Когда меня объявили и я вышел, было очень тихо, а может быть, мне так показалось. Ошалев от страха, я глубоко вздохнул, откашлялся и запел... О том, что не мешало бы выбрать тональность, как-то не подумал. И запел слишком высоко. Примерно на середине куплета, где мелодия резко поднималась вверх, все-таки сообразил, что взял высоко-вато, спустился на октаву ниже и допел эту роковую строку. Но рефрен «У Черного моря...» осилить уже не мог. Осознав, что потерпел фиаско, вскинул руки вверх и заявил, что не умею петь...

С тех пор многое изменилось. Моя старшая сестра успела защитить диссертацию и выйти на пенсию. Младшая, сводная, все еще работает в одном НИИ. Папа жив-здоров, в сентябре ему исполнится 94 года. Все они активно следят за моей певческой карьерой, потому что, несмотря ни на что, я все-таки поступил в ГИТИС (с третьего захода), поработав перед этим рабочим сцены Большого театра СССР и отслужив в армии...

Записала Ольга ЧЕРНЕНКО.

За плечами — два провала в ГИТИС, а такое доброе лицо...